

Игорь Маранин

---

*Эффект
смоленского кота*

Рассказы фантастического содержания

Игорь Маранин

**Эффект смоленского кота.
Рассказы фантастического
содержания**

«Издательские решения»

Маранин И.

Эффект смоленского кота. Рассказы фантастического содержания /
И. Маранин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852985-6

Это была единственная в своём роде дверь во всём городе. Она не разговаривала на писклявом языке электронных замков и не знала нежного прикосновения магнитных ключей. Она не возвращалась под ручку с автоматическим доводчиком. Эта старинная дверь крепко-накрепко вцепилась тугой пружиной в стену и понимала только грубый язык навесных замков и металлических запоров.

ISBN 978-5-44-852985-6

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

ЭФФЕКТ СМОЛЕНСКОГО КОТА	6
– 1—	6
– 2—	8
– 3—	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эффект смоленского кота

Рассказы фантастического содержания

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-2985-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭФФЕКТ СМОЛЕНСКОГО КОТА

— 1 —

Человек – самое шумное существо во Вселенной. Проснувшись, он заставляет журчать воду в ванной, шипеть масло на сковороде, бренчать ложку в стакане и разговаривать незнакомых людей на большом плоском экране. Под человеком скрипят полы, шаркают ступеньки, шуршит листва и чавкают лужи. Завидев его, каркают вороны, лают собаки, мычат коровы и хрюкают свиньи. И даже засыпая, человек не оставляет окружающий мир в покое: от его храпа планета подрагивает, создавая шумы в радиоэфире и помехи в приёме телевизионного сигнала.

Коля Муравский шагал по проспекту, громко насвистывая на ходу, чем дополнительно нервировал пространство. Свист выходил у него басовитый, с хрипотцой, слегка напоминающий храп, отчего прохожие оглядывались, чтобы убедиться: не спит ли он на ходу? А оглянувшись, не могли удержаться от невольного восклицания: брюки на человеке не сходились на поясе, рубашка – на животе, а пиджак – в плечах. Николай, однако, был совершенно невозмутим. Подумаешь, провинциалы! Коренные горожане давным—давно не обращали внимания на подобные наряды. Задумавшись, Коля едва не проскочил мимо нужного парадного. Справа от входа висела тёмная табличка с надписью «Государственная туристическая компания „Прошлое“: путешествия туда и обратно». На пяточке у дверей курила группа граждан в столь же нелепых одеждах.

– Как они преодолели «эффект смоленского кота»?! – услышал он и невольно остановился, с любопытством ожидая ответа. Спрашивала женщина в вытертых брюках клёш и дырявом свитере—лапше.

– Чего преодолели?

– Первое испытание порталов Д'Араган проводил в Смоленске, – пояснила гражданка в свитере. —

Муравский невольно замедлил шаг, заинтересовавшись ответом, но никто из стоящих женщине не ответил.

– Д'Араган, изобретатель лифтов—порталов, – решила пояснить свой вопрос женщина, – подобрал в Смоленске уличного кота, привёз в лабораторию и отправил в прошлое. Со смещением в доли секунды, чтобы тот нечаянно не изменил будущее. А нас отправляют без смещения!

– Ерунда это всё! – насмешливо проговорил Муравский, двинувшись дальше. – Тут всю жизнь пытаешься на своё будущее повлиять, а толку – ноль.

Пожалуй, это была единственная в своём роде дверь во всём городе. Она не разговаривала на писклявом языке электронных замков и не знала нежного прикосновения магнитных ключей. Она не возвращалась под ручку с автоматическим доводчиком. Эта старинная дверь крепко—накрепко вцепилась тугой пружиной в стену и понимала только грубый язык навесных замков и металлических запоров. Когда Муравский потянул её на себя – она сопротивлялась изо всех сил. Но Николай оказался сильнее и шагнул внутрь, где обнаружил узкий и душный коридор и длинную очередь к единственному кабинету. Седобородые мужики в полушубках и валенках соседствовали в этом коридоре с немолодыми, но спортивными дамами в мини—юбках и босоножках, ярко накрашенные старухи, одетые в наряды пятидесятилетней давности – с невыразительными и скучными очкариками с унылыми растопырен-

ными зонтиками в руках. Время от времени над дверью в конце коридора оживал селектор и хрипло выплёвывал очередные фамилии. В начале очереди поднимались люди и исчезали за дверью.

– Почему нельзя было сделать запись по Интернету? – проворчала женщина в мини—платье, едва Муравский занял за ней очередь. – Мне пришлось приехать из Америки, и я очень устала.

– По их правилам, – объяснил Николай, – здесь двадцатый век, живая очередь и никаких Интернетов. А почему вы оттуда не отправились? Там дороже?

– Там дешевле! – вздохнула женщина. – Просто мощности машин не хватает на территорию других стран отправлять.

От неё пахло сандаловым ароматом духов «Эсте Лаудер».

– Меня волнует, угадала ли я с платьем. Правда, выглядит как новое? Приобрела в «Антикварном гараже» – так у нас на Манхэттене блошиный рынок называется. Старая мексиканка уверяла, что ему не меньше сорока лет. Боюсь, что соврала... А вы костюм где брали?

– На даче валялся. Я его с первой полочки в нашем сельпо когда—то брал.

– О—о, сельпо... – ностальгически вздохнула женщина, произнеся это простое деревенское слово на французский лад – с мягким дрожащим «е» и долгим округлым «о».

— 2 —

После оформления документов Муравского провели в подвальное помещение с грузовым лифтом. В углу зала стояли ряды откидных деревянных сидений и пара стульев перед ними. На сиденьях расположились будущие путешественники, а на стульях – двое мужчин: экскурсовод—сопроводитель Михаил Звёздочкин и инструктор по технике безопасности Соломон Ибрагимович. Звёздочкину приходилось почти кричать – скрежетал лифт, по залу сновал электрокар, грузчики загружали и выгружали ящики, какие—то люди постоянно уезжали и возвращались. Оделся экскурсовод просто: помятая «олимпийка» на голое тело и спортивные штаны. На ногах у него были кеды – универсальная обувь семидесятых. Очки в массивной роговой оправе и тощий портфель из кожзама дополняли облик небогатого интеллигента эпохи позднего застоя.

– Товарищи! – начал он. – Мы находимся в начальной точке вашего путешествия. Путешествие это необычное, это не в Турцию слетать и не на Алтай отправиться. Вы попадёте в иное время, о котором у вас остались лишь обрывочные воспоминания. Первая ошибка туриста: он уверен, что хорошо помнит прошлую эпоху. Фигушки, как говорит мой коллега Соломон Ибрагимович.

– Позвольте, Миша! – вскинулся его напарник. – Я не употребляю подобных выражений!

– Ни черта вы не помните, дорогие товарищи! – не обращая на него внимания, продолжал Звёздочкин. – Трубочка с повидлом по шесть копеек? Чешский «Луна—парк» на набережной? «До свиданья, мой ласковый Миша»? Первая сигарета за гаражом? Первый поцелуй в подъезде? Всё это было в разное время, понимаете, в разное! Люди, которые там живут – живут текущим днём. А у вас в голове мороженое из одного года, джинсы – из другого, поцелуи – из третьего, а матч с канадцами – из четвертого. Прошое – оно как пластилин, память его мнёт—мнёт, а потом события из разных лет оказываются в секунде друг от друга. На самом деле всё было не так, всё не так.

– А что в этом страшного? – подала голос женщина в свитере—лапше, которую Муравский видел у входа.

Экскурсовод бросил взгляд на разложенные перед ним на столе документы.

– Минна Биккина? – переспросил он. – Представьте, дорогой товарищ Биккина, что вы заходите в магазин в начале семидесятых и спрашиваете, есть ли в продаже видеомэгафон? Ладно, вы вспомнили про дефицит и не пошли в магазин, а упомянули его в частном разговоре. Возмущению информационного поля не будет предела. А Соломон Ибрагимович лично расстреляет вас из дробовика.

– Мишенька! – снова возмутился Соломон Ибрагимович. – Перестаньте пугать мною людей! Откуда у меня может быть дробовик?

На этот раз Звёздочкин среагировал.

– Вы же сами говорили, что были контрабандистом, – напомнил он и подмигнул товарищу. – Не припасли разве с бывшей работы?

– Дева Мария! – всплеснул руками Соломон Ибрагимович. – Не контрабандистом, Мишенька, а контрабасистом! Я не ползал со связкой мыла через границу – я играл в оркестре Гостелерадио.

Но в ответ Звёздочкин только недоверчиво хмыкнул.

– Перейдём ко второй наиболее распространенной проблеме туриста. Как бы вы хорошо ни играли свою роль, но окружающие всё равно будут чувствовать неадекватность вашего поведения. Вы не так будете реагировать на шутки, как они, не так понимать подтекст фраз, по—иному эмоционально оценивать события. Вы – люди другого века. Представьте себе современника Пушкина: для него крепостные – явление нормальное, для вас – дикость. Тут то же самое,

только смягченное меньшим промежутком времени. Поэтому постарайтесь свести общение с аборигенами к минимуму. Не удивляйте их своим вольнодумством, товарищи!

– Совсем отвыкла от такого обращения, – произнесла женщина, за которой Николай занимал очередь.

– Завыкайте обратно, товарищ Стасенко! – развернулся к ней Звёздочкин. – И запомните, кто забыл: у этого слова женского рода нет.

Он сделал паузу и обвел взглядом сидящих.

– А теперь о технической части нашего путешествия. Полагаю, вы уже знаете из ознакомительной брошюры, что при перемещении материальные предметы «молодеют». Попав, например, в 17 мая 1977 года, и вы, и ваша одежда выглядеть будете так, как выглядели в тот день. Если вы наденете платье, сшитое вчера – оно исчезнет. Именно поэтому дальность перемещения у нас не более нескольких десятков лет.

– Шапку Мономаха можно и подальше отправить! – вставил кто-то с задних рядов.

– А смысл? – отозвался экскурсовод. – Мы даже самого Мономаха удивить не сможем, так как при перемещении не возникнет второй шапки из будущего. Головной убор из нашего времени совместится сам с собой в прошлом – отсюда и эффект омоложения.

– Постойте, постойте! – воскликнула Минна. – А как быть с пространством? Вот я купила себе шляпу 75-го года. Отправляюсь в ней в 77-й: на чьей голове она соединится сама с собой? На моей или на голове тогдашней хозяйки?

– На вашей, на вашей, – успокоил её Звёздочкин.

– А почему? – не сдавалась женщина.

– Извините, товарищ Биккина, – театрально развел руками экскурсовод, – но теоретические вопросы перемещения во времени – не моего ума дело. Я экскурсии вожу: туда—сюда, туда—туда. Перед отправлением я выдам каждому из вас стандартные для того времени часы, но с хитрой начинкой. Называются они нуль—таймер. Говоря грубо, это прибор, стирающий возмущение временного континуума, вызванного вашим присутствием. Будьте очень аккуратны, не теряйте его, пожалуйста, и не снимайте даже на ночь. Без внешнего воздействия на вашу память, вы сразу же забудете, что прибыли из будущего.

– Совсем? – спросил Николай.

– Практически да, – кивнул Звёздочкин. – Останутся смутные образы и неясное томление души. Жизнь покажется уже кем-то прожитой, как выразился недавно один растяпа из Хабаровска. Мы, конечно, вас там не оставим, в наших нотных талмудах все быкары учтены, как выражается Соломон Ибрагимович.

– Бекары, Мишенька, – с укором посмотрел на него напарник.

– Но за каждый ваш быкар придется выплатить кругленький штраф. Это ясно? А то найдутся любители приключений – специально нуль—таймер снимают. Что ещё? Ах, да! Видите лифт в центре зала? Это и есть пресловутая машина времени. Я отбираю группу в определенный год, отправляюсь с ними в прошлое, а через мгновение возвращаюсь назад и забираю следующую. И следующую, и следующую. А потом мы начинаем также по очереди возвращаться. Наш лифт времени, как видите, не простаивает, поэтому процесс ухода и прихода растянется примерно на полчаса. Иными словами, в своём прошлом вы пробудете, согласно договору с компанией, десять дней, но вернётесь максимум через тридцать минут. Это понятно?

– То есть вы будете одновременно в нескольких местах сразу? – недоверчиво спросила Биккина. – По—моему это нарушает принцип самопоследовательности Джона Уилера. Движение квантовых волн, связывающих настоящее с прошлым и настоящее с будущим, из—за хаотичных множественных перемещений перестает быть логичным, и одна квантовая волна погасит другую.

Звёздочкин расстегнул олимпийку и почесал волосатую грудь.

– Лифт видишь? – спросил он.

– Да.

– Зайдешь туда, наберешь нужный год – и отправишься в прошлое. Чего проще—то? Обезьяны по мобильнику разговаривают, а ты в трех кнопках запутаться боишься. Ну, народ пошёл... Соломон Ибрагимович, твоя очередь. Сейчас, товарищи, вас познакомят с правилами техники безопасности, слушайте внимательно и запоминайте. Потом подойдете и распишитесь в журнале, что ознакомлены. Ясно?

– А надолго эта лекция? – спросил Николай.

– Время, как вы уже поняли, – ответил ему экскурсовод, – величина непостоянная и относительная.

Из—за стола поднялся Соломон Ибрагимович, обвёл притихших туристов доброжелательным взглядом и сказал:

– Дорогие мои, будьте осторожны!

После чего уселся обратно. Долгую минуту над рядами слушателей висела пауза, затем они начали недоуменно переглядываться. Звёздочкин повернулся к коллеге и вопросительно посмотрел на него.

– У меня всё, Мишенька! – добродушно произнёс Соломон Ибрагимович.

— 3 —

Мало кто, перечисляя виды общественного городского транспорта, вспомнит про лифт. Между тем, если подходить строго формально, лифт точно также перемещает нас в городском пространстве, как автобус, трамвай или такси. Да, не дальше последнего этажа, ну и что? Он даже более общественный, чем любой другой, ведь пассажиры управляют им сами. И более безопасный: еще не было в истории случая, чтобы лифты столкнулись друг с другом.

Перед отправлением их группы Соломон Ибрагимович неожиданно подошёл к Муравскому.

— Коленька, — зашептал он на ухо Николаю, нервно оглядываясь на своего коллегу, — простите великодушно, что я так запанибратски к вам. Вы ведь с тремя прекрасными дамами в май 77-го отправляетесь?

Николай кивнул.

— Кот мой там! — сообщил Соломон Ибрагимович. — Пропал без вести во время эксперимента. Если встретите, будьте так добры захватить с собой — я заплачу. Я все расходы с лихвой возьму, не извольте беспокоиться!

— Тот самый смоленский кот? — удивился Николай.

— Какой он смоленский! — замахал на него руками Соломон Ибрагимович. — Это всё блоггеры в социальных сетях выдумали. Мой личный кот! Все глаза я по нему, Коленька, выплакал.

— Но как я узнаю, что он ваш?

— Он вас сам узнает! Понимаете, Коленька, животные в отличие от людей время чувствуют по-другому, я в этом убеждён. Там для него все чужие, а вы — родной. Это как если бы вас нечаянно забросили к разумным осьминогам, а потом вы землянина повстречали. Пусть даже самого распоследнего папуаса.

— Хорошо! — пообещал Муравский и ободряюще похлопал собеседника по плечу. — Я вашего кота из-под земли достану, я настырный.

Он поспешил вслед за группой и догнал её уже в лифте.

— Муравский, Биккина, Стасенко, Соколова, — сверился со списком Звёздочкин. — Адреса, по которым вы будете проживать, у меня записаны. Как только система включится, вы окажетесь каждый в лифте своего или соседнего дома и выйдете на первом этаже. Та—а—ак, Биккина, вижу, у вас опять вопрос?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.